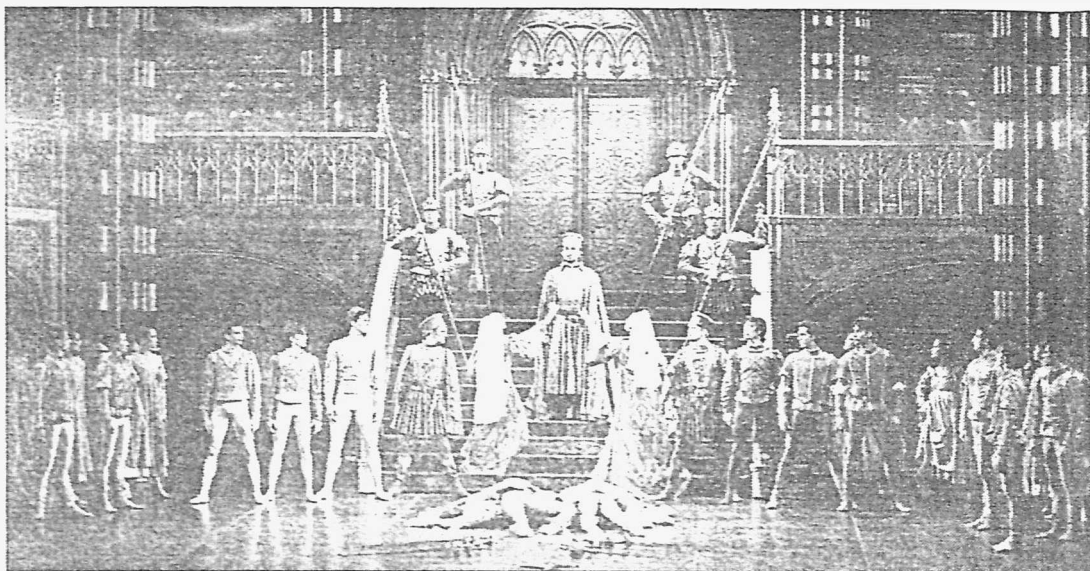

Москва. критика. — 2002. — 24 окт. — с. 8

Неугомонная Джульетта и скромный Ромео

Сказать «балет Миланской оперы» — все равно что произнести «обратная сторона Луны». Вроде бы все ясно, но в то же время — малоизвестно. Во всяком случае у нас. Как замечательно поют в Ла Скала, известно всем хотя бы понаслышке. Как там танцуют, в России не знают совсем. Хотя и труппа существует более 240 лет, и российский школа балета издавна связана именно с миланскими артистами: было время, когда северная Италия исправно поставляла на сцену петербургского Мариинского театра балерин-виртуозок, именно у них солистки Императорского балета в конце XIX века учились делать фуэте.

С тех пор много воды утекло, и нынешние ученицы во многом превзошли бывших учительниц. На пресс-конференции итальянцы вспоминали Галину Уланову и делали нам комплименты в духе «везти в Россию балет — все равно что ехать в Тулу со своим самоваром». Но балет Ла Скала приехал на гастроли в Большой театр с одним-единственным спектаклем. Выбор названия говорит о большой уверенности итальянцев в своих силах. Ведь именно спектаклем «Ромео и Джульетта» в постановке Леониды Лавровского Большой театр покорила Западную Европу в 1956 году, когда впервые после снятия «железного занавеса» советские танцовщики побывали в Лондоне.

Двадцатисемилетний англичанин Кеннет Макмиллан в тот момент посмотрел спектакль с Улановой в главной партии — и навеки в него влюбился. И когда ему, хореографу Королевского балета Великобритании, в 1965 году предложили поставить «Ромео и Джульетту», Макмиллан не придумал ничего лучше, чем сочинить балет, весьма похожий на опус Лавровского. Можно считать его версией разработкой мотивов советского балета, лишь без имперской помпезности последнего: тот

же интерес к воссозданию исторического колорита, любовь к старинным костюмам и бытовым деталям, стремление передать подлинный дух кровной мести и вражды аристократических кланов — всего того, чем богата реальная история Италии. Дамы у Макмиллана носят тяжелые платья, едва приподнимая подол, а кавалеры одновременно драчливы и кичливы. Гостей на бал приносят в портсезах, городские девушки легкого поведения пристают к молодым дворянам, а положительные герои — Меркуцио и сам Ромео — в общем, такие же забияки, как и прочая молодежь Вероны.

Не менее, чем «вкус эпохи», хореограф интересовал эмоциональный расклад шекспировской трагедии. По мнению Макмиллана, Джульетта должна быть живой, неугомонной и непредсказуемой, а Ромео — нежным и скромным (естественно, по меркам того времени). Исполнительница главной партии в гастрольном балете, международная звезда и прима-балерина Ла Скала Алессандра Ферри как нельзя более подходит для подобной трактовки. Роль влюбленной веронской девочки маститая Ферри исполняла десятки раз, но кажется, буд-

то она только что придумала эти кулачки, сжатые в минуты гнева или страха, бесчисленные тонкости движений головы и рук, пронзительный и красноречивый взгляд черных глаз, ощутимый даже на больших расстояниях от сцены... Однако пронырливо балерине удаются все виды и роды эмоций, падающих на зрителей то водопадом, то нежным ручейком. Эмоций так много, что их хватает на двоих: молодой исполнитель роли Ромео, премьер Ла Скала Роберто Болле куда более сдержан. Танцевать он, конечно, умеет, хоть и без «излишней» виртуозности. Но порой кажется, что этот Ромео просто не знает, как в «реалистическом» балете объясняться в любви через пластику и куда при этом девать свое крупное красивое тело. Впрочем, на балете хотелось бы предъявлять претензии итальянским артистам, а аплодировать им — за проявленное мужество: они не бросились враспылку, слыша чудовищно плохую игру оркестра Большого театра (непопадания в такт и фальшиво взятые ноты), но дотанцевали спектакль до конца...

Гастроли миланского балета были интересны (всегда хочется узнать что-то новое). Но особых откровений все же не прибавили. Оказалось, что спектакли подобного рода у нас танцуют лучше, а качество итальянской труппы в целом приемлемое, но не более. Из двух главных героев только Джульетта поразила воображение. Зато очень сильно.

Мария КАРЕЛОВА.

На снимке: сцена из спектакля.

Фото Александра КОСИНЦА
(ИТАР - ТАСС)